

В ПОИСКАХ «СЧАСТЬЯ»: ПРЕЛОМЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО КОНЦЕПТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Тимофеева Ирина Юрьевна

Культурологии, доцент, Комсомольский-на-Амуре
государственный университет
Irina_tomoffeeva@mail.ru

IN SEARCH OF "HAPPINESS": REFRACTING THE TRADITIONAL CONCEPT OF RUSSIAN CULTURE IN CREATIVITY MODERN WRITERS

I. Timofeeva

Summary: The article analyzes the concept «happiness», which is basic for Russian culture, based on the material of modern literature. The author reveals the traditional connotations of the concept and explores their semantics in the artistic work of contemporary writers. The relevance of the problem of concept representation is substantiated by the problems of finding cultural identity.

Keywords: concept, concept sphere, modern literature, mentality, happiness.

Аннотация: В статье анализируется базовый для русской культуры концепт «счастье» на материале произведений современной литературы. Автор выявляет традиционные коннотации концепта и исследует их семантику в художественном творчестве современных писателей. Актуальность проблемы репрезентации концептов обосновывается проблемами поиска культурной идентичности.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, современная литература, менталитет, счастье.

Концептосфера как способ структурирования культурного пространства является одной из центральных философско-онтологических тем в гуманитарной науке, особенно в той ее части, которая стремится выработать междисциплинарное, метапредметное знание о культуре. Пристальное внимание изучению концептосферы уделяется в современных лингвокультурологических исследованиях, анализирующих семантическое пространство культуры. В культурологии принято рассматривать термин «концепт» как философское понятие, являющееся результатом взаимодействия различных факторов: национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей, в конечном итоге являющееся составным элементом культурной модели мира: «Концепты, ментальные явления, обрабатываемые и фиксируемые в памяти индивида, представляют собой осознаваемый и значимый фрагмент человеческого опыта, накапливаемый в процессе концептуализации и категоризации в виде когнитивного пространства и концептосферы» [5, с. 64]. Таким образом, можно считать, что концепты образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром. Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека...И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит

в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [11, с. 43]. В рамках когнитивной психологии, а затем и в теориях когнитивной лингвистики, под концептом понимается единица психической памяти сознания человека. Таким образом, концепт является не только языковой, но и, самое важное, культурной единицей, в которой запечатлена воспринятая, переработанная и структурированная картина мира. Дискуссионным в современной гуманитаристике является вопрос о соотношении концепта и ряда близких ему терминов, в том числе таких как «понятие», «художественный образ», «архетип», «мифологема» и т.п. Принципиальными для дальнейшего исследования будут следующие представления о взаимосвязи концепта и художественного образа:

1. Концепт – это образование ментальное, порожденное этнокультурным сообществом и закрепленное в культурной памяти. Концептосфера, по определению Д. С. Лихачева, это «совокупность концептов нации, она образована всеми потенциальными концептами носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа» [8, с. 5].
2. Концепт может быть кодом для формирования «универсального художественного опыта, зафиксированного в культурной памяти и способного выступать в качестве строительного материала

при формировании новых художественных смыслов» [9, с. 42].

- Исследование концептов на материале художественной литературы («литературных концептов» [4]) позволяет анализировать текст в контекстах этнопсихологических, социокультурных, исторических, находящихся вне пространства непосредственно произведения, что отвечает современным междисциплинарным тенденциям в науке. При этом художественный концепт и концепт культурный могут отличаться разными коннотациями, художественный концепт уникален, вбирает в себя авторские интерпретации, сохраняя при всем том генетические связи с архетипическим культурным кодом, отсылающим к внесубъектной реальности – психоэтнической, ментальной, социокультурной – национальной концептосфере. Совсем не значит, что эти пласты обязательно должны совпасть в интерпретации, однако их соотношение позволит говорить о доминанте, симптоматике, переосмыслении базовых культурных концептов в историческом пространстве культуры.

В первую очередь концепты получают формально-материальное выражение в культуре при помощи слова, высказывания, текста. Концепт «счастье» является одним из центральных и значимых в русской культуре. Лексикографическое описание данной лексемы уже предпринималось в лингвистических исследованиях. Остановимся на основных признаках концепта «счастье», зафиксированных в метаязыковых высказываниях, на которые ссылаются словари русского языка. Как общекультурная ценность, счастье не может не отождествляться исключительно с человеком – носителем этого состояния. Представления о счастье всегда имеют национальные инварианты, присущие субъекту этноса. Национальную специфику феномена счастья принято анализировать, прежде всего, в рамках традиционной культуры, т.к. именно она выступает в качестве хранительницы исторически сложившегося уклада жизни, религиозных воззрений, общественных отношений. Сформированное в традиционной культуре представление о счастье транслируется каждому новому поколению в форме этических установок, норм и ценностей. Представления о счастье, передаваемые в народной среде в такой форме, приобретают устойчивый характер, что позволяет определить эти представления уже как концепт культуры.

В толковом словаре В. Даля «счастье» определяется как «со-частье, доля, пай», а также наделяется дополнительным значением случайности, желанной неожиданности, таланта, удачи, успеха, спорины в деле, не по расчёту, счастья, счастки». То есть первоначально счастье

в русском языке понималось как доля, совместное участие, что указывает на ментальную черту русской культуры – её коллективистский характер. Концепт «счастье» в традиционной русской культуре наделялся аксиологическим содержанием, отражающим представление о том, что счастье – это доля, судьба, предначертанное, имеющее случайное происхождение, особый жребий, выпавший человеку. При этом «доля» понималась не только как нечто предначертанное свыше, но и часть, отдельная доля совместного участия, общего совокупного жизненного процесса.

В русской традиционной культуре феномен счастья изначально существовал в рамках концепта судьбы, что имеет тесную корреляцию с лингвокультурологическим и этимологическим значением этого понятия как «доли», «участи». Как отмечают А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня и другие исследователи традиционной культуры славян, в сознании русского народа было закреплено представление, что судьба-доля даны человеку «свыше» и не зависят от его действий. Судьба в представлениях славян всегда созидалась божественной силою, олицетворенной в образе небесных прях и ткачих. При рождении человека девы судьбы начинали ткать его судьбу (сорочку), наделяя ее долей или недолей. То есть счастье наделялось бесконтрольным характером или характеристиками «случайности», «удачливости», «предначертанности», «неизбежности». Это отражено в некоторых лексемах русского языка, сопряженных по смыслу с концептом «счастье»: «удача», «удастся», «удачлив», «талан», «таланный», «случай», а также закреплено в следующих пословицах и поговорках: «При счастье и петушок яичко снесет», «Со счастьем хорошо и по грибы ходить», «Такова доля, что божья воля», «Он в рубашке родился», «Счастье – вольная пташка: где захотела, там и села», «Кому полтина, а кому и ни алтына» и др. Противоположная лексема – «несчастье» – в сознании русского народа воспринималась неотделимой от счастья: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Людское счастье, что вода в бредне», «Счастье с несчастьем – ведро с ненастьем», «Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда», «Счастлив бывал, да несчастье в руки поймал», «Счастье – вешнее ведро» и т.д. Таким образом, концепт «счастье» в традиционной русской культуре неразрывно был связан с концептом «несчастье», что отражено в пословицах, где концепты «счастье» – «несчастье» репрезентируются различными лексемами: лексема «счастье» соотносится с лексемами «пай», «талан», «удача», «успех» и др., лексема «несчастье» – «беда», «притча», «рок», «напасти». В соотношении концептов «счастье-несчастье» с лексемой «доля-недоля» отражается его двойственная природа. Отличительной чертой счастья является его нестабильность: «Счастье без ума – дырявая сума (что найдешь, то и потеряешь)», «Счастье не корова: не выдоишь», «Счастью не вовсе верь. На счастье не надейся!».

Тогда, как несчастье представлено в русской культуре как нечто обременительное, тяжелое, способное к увеличению (лексемы «беда», «злыдни», «напасть», «лихо», «горе»): «Беда не ходит одна», «Беда семь бед приводит», «Всякая беда по семи бед рождает», «Беды плодливый».

Русская фольклорная и сказочная традиция зафиксировала концепт в том числе в художественных образах. Сказки русского народа учили тайне обретения счастья. Народная сказка является способом хранения и передачи знаний о мире, облеченных в символическую форму. В сказках «Золотой петушок», «Снегурочка», «Горох», «Старик на небе» и др. отражены представления о рождении мира, о борьбе за счастливую, сытую жизнь. Показательна в анализируемом контексте народная сказка «Курочка Ряба», в которой счастье предстает в образе золотого яичка, соотносимого с ценностями семейной жизни с одной стороны, и с ценностями материальными с другой. В этой сказке подчеркиваются такие черты концепта «счастья» как случайный характер, «предначертанность» этого явления (курочка снесла золотое яичко, а затем и простое – новое семейное счастье) и нестабильность, изменчивость, скоротечность счастья, выраженного материальным благополучием (мышка разбила золотое яичко). Также в приведенном примере показана сложность и скорость перехода от одного состояния к другому (от счастья к несчастью), и эти два концепта противопоставлены по признаку «нестабильность – относительное постоянство». В традиционной русской культуре были зафиксированы и сказки, в которых герои сами искали свое счастье (например, сказка «Как Иван – вдовый сын за счастьем ходил»). На этих примерах можно фиксировать социокультурные изменения в концепте «счастье», формирование представления о том, что человек сам мог изменить свою судьбу («Всяк своего счастья кузнец»). В традиционной русской культуре русской культуре сложились три узловых точки, образующие семантику концепта «счастье» – это счастье-судьба, счастье-радость, счастье-деятельность.

Современная русская литература, сформированная в пространстве культуры постмодерна, часто обращается к пластам традиционной культуры, фольклору, акцентируя или переосмысливая аксиологические культурные доминанты, облекая их в новые репрезентативные формы. Особенно актуальным это становится в современном мире, доминирующая тенденция которого – постоянные поиски культурной идентичности: «Окончательно вошедший в художественную реальность тип художника-номада не только не разрушил, но, напротив, предельным образом заострил идею национальной принадлежности как первоначального архетипического истока творчества». [2, с. 2]. Обращение и актуализация национальных культурных концептов в художественном творчестве позволяет проблематизировать представ-

ления о норме и ее социальной и эстетической форме. Концепт «счастья», вбирающий в себя целый комплекс онтологических культурных смыслов, представляется нам особенно значимым в этой связи.

Для анализа мы выбрали два знаковых произведения современной русской литературы: Е. Водолазкина «Лавр» (2012 г.) и Е. Колядиной (2010 г.) «Цветочный крест». Оба текста написаны примерно в одно время и составляют своеобразный литературный диалог. Оба произведения в свое время стали лауреатами престижной литературной премии «Русский Букер». И тот и другой автор выстраивают повествование на базе традиционной русской культуры, при этом Е. Колядина акцентирует ее смеховое, народное фольклорное начало, а Е. Водолазкин в «Лавре» – православно-христианское.

Роман Елены Колядиной, при все его фантазмагоричности, которую сам автор обозначил уже в определении жанра как «роман-небылица», «роман-катавасия» или «веселая галиматья», тем не менее, имеет некоторые исторические вехи. Надо полагать, в нем описывается повседневная жизнь провинциальной России времен Алексея Михайловича, и историческая канва произведения базируется на сведениях о том, что была некая «жёнка Феодосья, её в 1674 году обвинили в порче и сожгли в срубе в городе Тотьма». Полуисторический, полу-фантазийный роман, изобилующий элементами низовой смеховой культуры, художественно осмысливает и базовые аксиологические концепты, к которым мы относим концепт «счастье». Удивительным образом автор подает переживание героиней Феодосьей повседневного опыта: обилие бытовых обрядов, сопровождаемых поговорками, прибаутками, ритуальными формулами и т.п. Встраивание девицы Феодосьи в «счастливую долю», отведенную ей по рождению, не увенчалось успехом: ни один из кодов традиционного женского счастья не срабатывает в этом произведении. Замужество, материнство, любовно-сексуальный опыт, повседневные бытовые практики не приносят счастья Феодосье, все время оборачиваются «несчастьем» и в конечном итоге приводят ее к отшельничеству и юродству. По мере развития сюжета смеховую культуру подчиняет себе житийно-сказочная. Концепт счастья усложняется и к финалу произведения разворачивается в своей амбивалентной структуре: Феодосья, пройдя через все возможные «несчастья» женской доли, обретает его в более высоком аксиологическом статусе: свободной мудрости и деятельной созидательности, при этом, в житейском смысле ее доля, конечно же, становится трагичной: «Она вновь, от бездействия и апатии, вернулась к довольно деятельной жизни: принялась умываться, истово молиться, готовиться к смерти, дабы принять ее подобающим образом, и даже составлять книгу с рассказами о звездах, о цветах, о чудях и о своем житие».

— Одна в остроге, но мне не грустно, ибо творю я книгу, — с удивлением отметила Феодосья».

Автор постоянно играет традиционными национальными смыслами концепта «счастья», выпячивая, гипертрофируя их до форм, прямо противоположных, но при этом парадоксально остающихся в границах все того же национального кода. И «женское счастье» Феодосьи тоже обретает традиционно-русское наполнение в финале произведения, когда героиня создает цветочный крест – символ одновременно смерти и жизни, «женский крест» как архетипичный образ женской доли – дарующей жизнь и страдающей, цветущей и увядающей.

Евгений Водолазкин в романе «Лавр» акцентирует внимание на иных смысловых константах концепта счастья. Временной диапазон истории Арсения-Устина-Амвросия-Лавра обозначен в романе конкретными датами: 8 мая 6948 г. от Сотворения мира (1440 г.) – 18 августа 7028 г. (1520 г.), основные события, происходящие в условном средневековье, перемежаются с картинками, изображающими новейшее время. Такая временная протяженность истории расширяет и границы семантики концепта «счастья»: отталкиваясь от традиционных, ментально-национальных представлений постепенно герой приходит к осмыслению счастья как категории онтологической, сопряженной с постижением человеком своего места в мире, во Вселенной, а в хронологическом аспекте – в Вечности. Двумерность и двумерность жизненного пути героя (в схематично обозначаемом историческом хронотопе, и в хронотопе бытия как такового) отражены в постоянно зеркалящихся ситуациях: «Помни, Амвросие, что повторения даны для преодоления времени и нашего спасения», — говорит старец Иннокентий Арсению в начале его монастырской жизни. [1, с. 377, с. 411]. Жизненный путь Лавра полон повторяющихся сюжетов, центральный из которых – это сюжет, связанный с отношением героев в схеме: мужчина-женщина-ребенок (Арсений-Устина-ребенок, Арсений-Ксения-Сильвестр, Арсений и беременная Лаура и, наконец, Лавр и родившая Анастасия). Положение персонажей, их отношения являются ключевыми в контексте анализа главной проблемы — любви, искупления греха, спасения души погубленной героиней девушки. Смыслы, сопряженные с развертыванием этой сюжетной схемы каждый раз в новых формах дополняются, переоцениваются и являются своего рода вехами становления главного героя. Отметим, что традиционная «семейная» схема каждый раз является попыткой героя обрести «счастье» и, всякий раз обращившись «несчастьем», выводит его на новый уровень становления личности как этического субъекта. Здесь мы можем говорить об актуализации традиционной се-

мантики концепта «счастья» в русской культуре, которая тесно связана с вопросом о нравственной правомерности собственного счастья, а также о нравственно очищающем, искупительном смысле, который придается «несчастью». Весь роман Евгения Водолазкина показывает, как герой постепенно учится забывать о самом себе, отказываться от себя, чтобы заменить собой «другого». Вся история Арсения отображает процесс переноса акцента с физического, телесного на духовное измерение. Интересным в этой связи является один из вариантов повторяющегося сюжета – история отношений главного героя с Ксенией и ее сыном Сильвестром. «Почти ежедневно за ним заходил Сильвестр и тянул его в материнский дом. Особенно Арсения тревожило то, что отказываться ему и не хотелось»: в этих отношениях герой предпринимает попытку обретения «земного счастья». Семья, которую обретает Арсений, спасший от болезни Ксению и ее сына (совершив тем самым то, что не смог в ситуации с Устиной и ее ребенком) является попыткой обретения такого «земного счастья». Однако герой отказывается от этого видимого, материального благополучия ради исполнения нравственного предназначения: «...дом Ксении – это, скорее, ложный дом, или «антидом», по терминологии Ю.М. Лотмана, то есть пространство, подавляющее движение духа, ограничивающее свободу, в том числе творческую. Ложный дом способствует тому, что Вечность как базовый понятийный комплекс (ориентир, смысл жизни, Бог, инобытие и т.д.) утрачивает свою значимость и подменяется вещностью» [3, с.36].

Резюмируя, отметим, что представления о счастье в культуре славянского народа, характеризующиеся сложностью и многоплановостью изучения, являются одними из ключевых в русской национальной картине мира. Они организуют жизненный мир субъекта, во многом определяют то, как он воспринимает окружающую действительность. Вместе с тем, концепт «счастье» неразрывно связан с представлениями о несчастье, и, составляя с ним органичное бинарное целое, формулирует цель существования, определяет критерии выбора образа жизни за пределами индивидуального бытия. Также следует подчеркнуть, что судьба (счастье) в русской культуре имеет двоякое выражение в формах индивидуальной доли человека и общей доли определенных социальных групп и общества в целом. Романы Е. Колядиной и Е. Водолазкина, актуализируя семантику концепта «счастья» в его традиционном понимании, тем не менее художественно переосмысливают его коннотации. Обращение современных писателей к временам Древней Руси способствует возвращению в литературу моральной, аксиологической, а также религиозной проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водолазкин, Е.Г. Лавр. Неисторический роман. - М. : Астрель, 2012. — 448 с.
2. Венкова, А.В. Визуальная культура эпохи глобализма: идентификация пустоты // Глобальное пространство культуры: материалы международного научного форума 12-16 апреля 2005. – СПб: Центр изучения культуры, 2005. – С. 276-279.
3. Гудин, Д.С., Сорокина, Н.В. Символика пространства-междумирия в романе Е.Г.Водолазкина «Лавр» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. - Том 12. Выпуск 9., С. 33-37.
4. Зусман, В.Г. Концепт в системе научного знания // Вопросы литературы. - 2003. - № 2. С. 3-17.
5. Кадачиева, Х.М., Алиева Д.С. Концептосфера как способ структурирования когнитивного пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2015. - № 6. Ч. 1. С. 64-66.
6. Колядина, Е.В. Цветочный крест. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 380 с.
7. Лапухина, М.В. Аналитика сущности счастья в русской традиционной культуре: автореферат диссертации на соискание уч. степени кандидата философских наук. – Тамбов, 2006.
8. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка. М.: РАН, 1993. 287 с.
9. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. - 2000. - № 4., С. 39–45.
10. Русакова, И.Б. Концепты «счастье» - «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: автореферат диссертации на соискание учен.ст. кандидата филологических наук. – Москва, 2007.
11. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 43.

© Тимофеева Ирина Юрьевна (Irina_tomoffeeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Комсомольский-на-Амуре государственный университет